

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ВЯЧ. ИВАНОВА С МАКСИМОМ ГОРЬКИМ*
К ИСТОРИИ ЖУРНАЛА “БЕСЕДА”

Николай Котрелев

В первые имена Вячеслава Иванова и Максима Горького оказались рядом еще в 1898 году: стихотворение Иванова “Тризна Диониса” (Зимой, порою тризн вакхальных...; позднее включено в сборник *Кормчие звезды*) в журнале “Космополис” было расположено непосредственно следом за “беседой” Горького “Читатель”.¹ Несомненно, Иванов, дебютировавший на литературной сцене, должен был заметить соседа, быстро и шумно входившего в славу. Обратил ли Горький внимание на безвестного поэта и запомнил ли новое имя, — неизвестно. Познакомились два литератора лично 3 января 1906 г. на “башне”.

Их переписка, непостоянная, вполне окказиональная, протянулась, однако, от января 1906 г. до декабря 1929 и весьма интересна.² Предлагаемая публикация самодостаточного “берлинско-римско-соррентийского” фрагмента, предваряет публикацию ее полного корпуса в новом горьковском томе “Литературного наследия”, который очень хотелось бы увидеть вышедшим в 1996 г.

24 октября 1924 года Лидия Иванова, дочь поэта, писала вдове В. Ф. Эрнэ; с которою когда-то, в счастливом 1910 г., гуляла по Вечному Городу: “Дорогая Женя, пишу тебе из Рима, куда приехали мы наконец 14 сент<ября> после трехнедельного путешествия и после трехмесячных хлопот. Несмотря на столь длинные хлопоты, отъезд как-то сделался для меня все же внезапным, отчасти потому что я ему до последней минуты не верила. Ведь уже с 20 года мы все собирались, поэтому когда Вячеслав поехал в Москву на пушкинские торжества, я-то собиралась уехать на дачу к знакомым в Киев. И вдруг, как снег на голову телеграмма и пришлось все спешно ликвидировать в Баку, брать Диму³ в охапку и ехать в Москву. Впо-

пыхах написала тебе какое-то глупое письмо и уехала. Из Москвы удалось выехать только 28 авг<уста>. И вот сидим опять в Риме — видно недаром кидала я тогда монету в фонтан Треви. Но мне он представляется сейчас совершенно другим городом и никаких живых воспоминаний у меня не вызывают его камни. Этому способствует также и совершенное исчезновение наших прежних знакомых в нем. [...] Жить в Риме мы собираемся год, но не знаю, сумеем ли, так как денег у нас еще на 1 1/2 месяца, самое большее на 2. Если пошлет еще Наркомпрос, как обещал, то можно будет жить еще. Пока же живем в меблированных комнатах малюсеньких, в старом римском доме на 4ом этаже. [...] По дороге в Рим останавливались во Флоренции, Венеции и Берлине”.⁴

Это письмо вполне изъясняет то положение, в котором Вяч. Иванов, уже месяц перед тем, едва оглядевшись в Риме, вынужден был искать поддержки у Максима Горького. Он составил достаточно ясное представление о своих возможностях литературного заработка именно в Берлине, хотя и пробыл там считанные дни.⁵ Необходимые, хотя и крайне ограниченные числом литературно-организационные встречи у него, несомненно, состоялись, и кризис русско-берлинского издательского дела и, что важнее, политическое размежевание в литературном Берлине стали ему вполне понятны. Да и за три месяца, проведенные перед отъездом в Москве, он должен был хорошо представить себе положение дел в Берлине, поскольку через советскую границу информация поступала от эмигрантов и командированных еще достаточно обильная и достоверная; можно предположить, что заочные сведения на месте только подтвердились. Затруднительность положения определялась тем, что Иванов вынужден был учитывать условия, на которых не исключалась советская финансовая поддержка его пребывания за границей. Однако отказу от сотрудничества с эмигрантской печатью были, повидимому, и причины исключительно морального свойства: “В эмигрантских изданиях он печататься не хотел ввиду данного им в Москве при отъезде обещания, что он будет соблюдать полную политическую нейтральность”.⁶ Такого рода условия, похоже, стали нормой в это время у большевиков при выдаче разрешения русским писателям на поездку за границу. Сравним: “О Вашем отъезде искренне сожалею. Пожалуйста, не работайте в зарубежных русских повременных изданиях. Честное слово, не стоит. Крепко надеюсь, что месяца через три вы сможете возвратиться в Россию и сесть здесь более крепко” — писал 21 марта 1923 г. Е. И. Замятину, в связи с его пред-

полагавшимся выездом из совдепии, А. К. Воронский, не замечая мрачного гротеска надежды на то, что адресат "сможет... сесть здесь болеекрепко".⁷

Литературные разведки в немецкой столице оказались для Иванова безуспешными, о чем он известил свою новую поклонницу и приятельницу в Москве О. А. Шор (это письмо мне неизвестно), со слов которой М. О. Гершензон сообщал жене 24 октября 1924 года: "<О. А. Шор> имела два письма от В. И. Они в Берлине оставались очень недолго, и он там ничего, кажется, не устроил в печати. В Италии тоже дорого и пока не устроились материально, но настроение не плохое, хотя грустное".⁸

Первое письмо от Иванова Горького не должно было удивить, поскольку еще 19 сентября 1924 г. С. Г. Каплун, владелец издательства "Эпоха", финансировавший и ведший все практические дела по изданию "Беседы",⁹ писал ему из Берлина: "Проездом из Москвы в Рим был здесь Вячеслав Иванов. Он просит сотрудничества в "Беседе" и предлагает для № 6 стихи и оперетку в стихах. Я попросил его оперетку переслать непосредственно Вам и вообще написать Вам. Вы наверное получили уже от него из Рима письмо и рукопись. Пойдет ли она, и если да, то в каком №?"¹⁰ Запас литературного материала у Вяч. Иванова в этот момент был весьма невелик, он мог рассчитывать, по сути дела, только на работы по будущим заказам. Деловая часть ивановского письма Горькому не выходит за рамки сообщения Каплуна.

Вяч. Иванов - М. Горькому
25 сентября 1924 г. Рим

Roma
172, via delle Quattro Fontane, p° III
(presso Placidi).
25 сент<ября> 1924.

Глубокоуважаемый и дорогой
Алексей Максимович,

Счастлив послать Вам привет из Рима в Сорренто, — если Вы все еще в Сорренто: ведь мы оба любим Италию. Добившись наконец годовой заграничной командировки, очутился я опять там, где прежде бывал так ярко счастлив, — со всею

моею семьей: дочерью, занимающеюся музыкальною композицией, и двенадцатилетним сыном. Он должен здесь научиться языкам,¹¹ она — закончить свое специальное образование (по рояли она уже окончила консерваторию в Москве) у maestro Respighi,¹² а я — написать специальную монографию об Эсхиле, трагедии которого мною переведены.¹³ Вернусь, быть может, здесь и к поэзии, коей чуждался последние 4 года, со смерти матери моего маленького сына, не желая предаваться мрачной лирике и посвящая все свое время профессуре по классической филологии в Бакинском университете;¹⁴ зато удалось мне напечатать в Баку большую специальную и позитивно-сухую книгу “Дионис и Прадионисийство”,¹⁵ которою я доволен именно потому, что она позитивна и суха. Радости прежней нет в душе и здесь, но все же дышится хорошо. Хотелось бы пробыть в Италии как можно дольше, да вот беда: 800 рублей, выданные мне на поездку, весьма скоро истощатся, а ресурсов, на которые я неопределенно рассчитывал, нет как нет. Я хорошо знал, что еду на риск, но надеялся на лекции (по-итальянски я знаю хорошо) и на издательства. Однако, ни за что не желая участвовать в изданиях, политически враждебных советской России, вижу, что ничего для меня подходящего нет — кроме Вашей “Беседы” и “Эпохи”, по-видимому очень сокращающих свой круг деятельности. Во всяком случае, желал бы я услышать от Вас, как Вы относитесь к моему сотрудничеству и могли ли бы что-нибудь мое издать. О подробностях спешимся после. Если да, я переслал бы вам для “Беседы”, прежде всего, цикл сонетов¹⁶ и, быть может, целую пьесу, “музыкальную трагикомедию”, род оперетки, но своеобразный, полупутку сатирического характера, полумелодраму в трех актах, стихотворный текст которой мог бы быть напечатан независимо от перспектив театральной постановки, если бы он пришелся Вам по сердцу и заслужил Ваше одобрение. Я виделся в Берлине с С. Г. Каплуном, который посоветовал мне послать Вам пьесу из Рима в Сорренто.

Если это письмо попадет в Ваши руки, черкните, прошу Вас, несколько ответных строк любящему Вас

Вячеславу Иванову

Ответ Горького не заставил себя ждать. Но прежде чем привести его, нужно сказать несколько слов об упомянутой в ивановском письме оперетте, что лучше сделать не в примечании, поскольку большая часть публикуемой переписки вертится вокруг нее.

Когда-то К. Чуковский писал: "Кроме Брюсова и Вячеслава Иванова, нет, кажется, ни одного современного писателя, который бы хоть на минуту не прикоснулся бы так или иначе — к оффенбаховщине".¹⁷ Совсем недавно в специальном номере журнала, посвященном русскому кабаре, утверждалось, что Вяч. Иванов был среди немногих — вместе с Блоком, Мережковским, Гиппиус, — кто "избежал соблазна кабаре".¹⁸ Неправ был уже Чуковский — Иванов был в известной степени соавтором (и, это значит, одобрял самое существо замысла) трагестийной пьесы Л. Д. Зиновьевой-Аннибал *Певучий осел* (Сатирический маскарад в четырех ночах), первое действие, в котором как раз и находятся ивановские вставки, было опубликовано в 1907 г.¹⁹ Для будущего исследователя ивановского юмора важно заметить, что комедия Л. Д. Зиновьевой-Аннибал относится к числу произведений "с ключем" — исход, как оказалось, неизбежный для культуры, строившей себя с установкой на нераздельность искусства и жизни. Иванов охотно принимает участие в создании комедии, трагестирующей Шекспира (причем такую пьесу, которая сама по себе играет на неузнавании-узнавании) и реальное поведение дружеского круга и житейской среды автора. К ранним временам ивановского творчества относится и замысел комедии о Ницше и Дионисе, с участием Вагнера — Иванов сам оговаривал связь замысла с традицией Аристофана, но сближение с "оффенбаховской" стихией тут было бы более чем вероятным.²⁰ А Л. Тихвинская тем более неправа, что в разных изданиях мелькали упоминания об оперетте-мелодраме Иванова и в 1990 г. появились в печати отрывки из нее и ее история.²¹

К работе над опереттой Иванов приступил по почину известного оперного режиссера Н. Н. Боголюбова, на слова Иванова музыку написал М. Е. Попов. В Москве летом 1924 года друзья Иванова приняли текст комедии с восторгом, о чем сохранились свидетельства: "Вчера он читал у меня свое последнее стихотворное произведение, род трагикомедии, — писал об Иванове 16 июня 1924 г. М. О. Гершензон Л. И. Шестову из Москвы, — много таланта, главное — восхитительные стихи. Заставь его прочитать эту вещь у д-ра Эйтингона, как в прошлом году Ремизов читал своего Петьку".²² Гершензону

вторит О. А. Мочалова: “Перед отъездом в Италию (1924) В. Ив. читал свою оперетку *Любовь-мираж*. Глубина чувства, благородство человеческих образов были преподнесены без уступки в легкой сценической форме”.²³ МХТ рассматривал возможность постановки ивановской пьесы.²⁴ Год спустя, 12 июля 1925 г. В. Э. Мейерхольд писал Иванову: “Зинаида Николаевна <Райх> и я часто с восторгом вспоминаем нашу встречу с Вами в Москве, когда Вы так замечательно, с таким блеском и с таким тонким юмором читали Вашу умную, блестящую комедию на музыке”.²⁵

Горький откликнулся на обращение Иванова немедленно и приветливо.

М. Горький — Вяч. Иванову
26 сентября 1924 г. Сорренто

26. IX. 24.

Дорогой и уважаемый Вячеслав Иванович, —
рад приветствовать Вас в Италии. Если Вам угодно поместить пьесу Вашу в “Беседе”, я просил-бы Вас прислать рукопись возможно скорей, дабы она вошла в 6^ю книгу, которая уже набирается.

Но, считаю необходимым предупредить Вас, что “Беседа” предприятие очень бедное и что для Вас будет удобнее, — во избежание недоразумений — списаться по вопросу о гонораре с С. Г. Каплуном.

По вопросу об отдельных изданиях Ваших трудов в “Эпохе” нужно говорить тоже с Каплуном, я в этом издательстве не участвую.

П. П. Муратов просит передать Вам его привет.²⁶

Как долго будете Вы в Риме и не думаете ли передвинуться к нам, на юг?

Сердечно желаю всего доброго и жду рукописи.

А. Пешков

Sorrento
Villa Massa.

Оперетту Иванов выслал в Сорренто прежде стихов. Но перед посылкой он, можно думать, специально по этому случаю снабдил ее

предисловием — оно датировано: "Рим, 1 октября 1924 г.", излагающим историю ее создания.²⁷ Редакторский приговор Горького был отрицательный и лапидарный.

М. Горький — Вяч. Иванову
10 октября 1924 г. Сорренто

Уважаемый Вячеслав Иванович,
к сожалению, оперетта Ваша не может быть напечатана в "Беседе".

Рукопись возвращаю.

Не соблаговолите ли прислать стихи?

В. Ф. Ходасевич²⁸ просит передать Вам его привет.

А. Пешков.

10. X. 24
Sorrento.

Удар для Иванова был тем более ощутим, что, по воспоминаниям дочери поэта, уже в Москве теплый прием пьески у друзей столкнулся с таинственным цензурным распоряжением: при чтении в частном собрании "Стихи многих пленили и возникло желание сделать публичное чтение этой вещи. Помню, уже были назначены место, день и час, готовы программы и приглашения, и вдруг чтение было официально запрещено, а пьеса объявлена "аморальной". Выяснилось, что многие были возмущены: "Как? Вячеслав Иванов, воспеватель недостижимых идеалов, умопостижимых сфер, вдруг пишет оперетку!" Это воспринималось как моральное падение. Что в этой вещи могло смутить строгих моралистов (к ним позже в Сорренто присоединился и Максим Горький), мне неясно".²⁹

Иванов был задет прежде всего невыясненностью оснований, по которым Горький отверг его пьесу.

Вяч. Иванов - М. Горькому
16 октября 1924 г. Рим

Рим, 16 окт<ября>1924.

Дорогой и глубоковажаемый Алексей Максимович,
Посылаю Вам для "Беседы" стихи.³⁰ Отчего не обмолвились Вы ни одним словом о моей оперетке? Пусть она Вам не

понравилась, — но мне ценно узнать Ваше мнение. Не откажите исполнить это мое желание со всею откровенностью.

Прошу Вас передать мой поклон П. П. Муратову и В. Ф. Ходасевичу. Отчего Владислав Фелицианович мне не напишет, как обещал? Ведь он хотел со мною увидеться в Риме, и это не удалось.

Рукопись свою я получил обратно. Мне очень хотелось бы знать, что именно или что особенно Вам было не по душе: политика? мораль? литература? -

Радуюсь, читая в газетах, что Вы в добром здоровье. Взлетевшая утка заставила было меня содрогнуться на мгновение, но я тотчас же распознал ее природу.³¹ Желаю Вам всего доброго и сожалею, что не могу позволить себе роскошь поездки к Вам в Сорренто. Сердечно преданный Вам

Вяч. Иванов.

Горький ответил обстоятельно.

М. Горький — Вяч. Иванову
19 октября 1924 г. Сорренто

Уважаемый Вячеслав Иванович, —

исполняя желание Ваше знать мою оценку “оперетты”, отвечаю, с уверенностью, что Вас не обидит моя откровенность.

Оперетта не понравилась мне. Более того: вызвала у меня недоумение. У меня к Вам издавна, еще с “башни”, родилось чувство уважения;³² мне кажется, что я не плохо понимаю Вашу роль в истории русской поэзии и литературы, — роль мастера, учителя, вождя. Мне было странно — видеть Вас, аристократа духа, рядом с Косоротовым, которого я знал, как человека бездарного, хотя — интересного.³³ Стихи оперетты тоже показались мне не Вашими, лишь изредка сверкало среди них золото Вашего стиха. Мне показалось даже, — извините дерзость! — что способствуя, хотя и косвенно, опубликованию этой Вашей шутки, я окажу Вам плохую услугу. В эти мрачные дни, когда все так зло оскалили зубы и рычат друг на друга,

некоторые из литераторов не преминут броситься на Вас со всею силой своего злорадства. Вот соображения, которые понудили меня отказаться от оперетты. Возможно, разумеется, что они не уместны; Вы — слишком крупное имя и отвечаете сами за все. Так, но — все-таки мне что-то мешало и это "что-то", мне кажется, не должно обидеть Вас, ибо оно возникло из пиетета к Вам.

Стихи Ваши получил, отправляю в редакцию: 6^я книга "Беседы" набирается.³⁴ Ваш привет В. Ф. Ходасевичу передал.

Сердечно желаю Вам всего доброго.

А. Пешков.

19. X. 24

Непосредственной реакции Иванова на объяснения Горького мы не знаем. Он высказался, уклоняясь от активной защиты, много позже, в ответе на следующее письмо своего соррентинского корреспондента, второго ноября обратившегося к нему с достаточно странной — с точки зрения любого, вероятно, автора, считающего, что участие в журнале предполагает хотя бы минимальную солидарность пишущего и печатающего — просьбой.

М. Горький — Вяч. Иванову
2 ноября 1924 г. Сорренто

Уважаемый Вячеслав Иванович, — я принужден обратиться к Вам с просьбой, которая сильно смущает меня.

"Беседа" допущена в Россию, 6^я № заказан в количестве 3.000 экземпляров, возможно, что заказ будет увеличен до пяти. Это ставит журнал весьма прочно, позволяет расширить его, увеличить гонорар авторов, привлечь новые силы. В виду таких надежд я прошу Вас дать для 6^я книги другие стихи, ибо "Сонеты" Ваши, по характеру их, несколько не удобны <?> в первой же книге, допущенной в Россию. Вы только что приехали оттуда, Вы знаете, как одиозно относятся там к Богу и религии, и, мне кажется, Вы поймете мои опасения конфликта, который может сильно повредить журналу и даже вызвать

запрещение его. К просьбе моей я очень прошу Вас отнестись так-же просто, как я изложил Вам ее.

Буду очень благодарен, если Вы пришлете стихи тотчас же.

Свидетельствую мое уважение

А. Пешков.

2. XI. 24.
Sorrento.

Из этого письма мы должны заключить, что в письме от 19 октября Горький говорил о получении ивановского цикла "De profundis". В самом деле, 25 сентября, первым своим письмом Иванов предлагал для "Беседы" "цикл сонетов", и письмо от 25 ноября подтверждает, что был послан первым именно "цикл". "Зимние сонеты" были к тому времени опубликованы,³⁵ "Римские сонеты", как мы сейчас увидим, были посланы Горькому взамен того цикла, о котором речь. Других неопубликованных циклов сонетов у Иванова не было. Да и восклицания "Воскресни Бог!" или "Из глубины Тебя любил я, Боже..." — именно того рода, какой был недопустим, по убеждению новых хозяев России. Стихи Иванова, отвергнутые Горьким ради придания "Беседе" пристойного в глазах большевиков вида, появились в печати только в 1937 г. в "Современных записках", первом эмигрантском журнале, с которым Иванов стал сотрудничать, когда счел, что лояльное безбожной власти молчание можно оборвать. Знаменательно, что первым напоминанием о русской трагедии, настигшим Иванова в бегстве от родного пепелища,³⁶ было напоминание о гонении на христиан.³⁷ Горьковское автоцензурное ухищрение оказалось бесполезным, "Беседу", как известно, не допустили в СССР и без ивановских излишне богочестных сонетов, шестой ее номер (превратившийся в сдвоенный шестой-седьмой) оказался последним; всякое увеличение тиража, в неосуществимых видах завоза его в СССР, становилось разорением для издателя, следствием либо самообмана, либо специально проведенной интриги чекистов и советского правительства.

Иванов ответил не изъявлением формального согласия на уступку очереди, но прямой заменой одних стихов другими. После долгого молчания, он согласился на лирическое излияние, у него стали складываться "Римские сонеты":

Вяч. Иванов - М. Горькому
25 ноября 1924 г. Рим

Рим, 25. XI. 1924.

Дорогой Алексей Максимович,

Долго не отвечал Вам потому, что хотел раньше закончить прилагаемые сонеты. Должно быть, они, к сожалению, опоздали для той книжки, в которой Вы предполагали напечатать мои стихи: что делать? — пусть пойдут в следующую, если "Беседе" они нужны. Буду ждать нескольких строк от Вас или от Владислава Фелициановича, коему кланяюсь, приняты ли они и желательно ли их продолжение. Ибо у меня есть замысел и наброски более длинной серии.

Отказавшись напечатать первый цикл в книге, впервые допускаемой в Россию, Вы были, конечно совершенно правы по неопровержимым "тактическим соображениям". Быть может, правы были Вы и в своем нежелании напечатать оперетку. Вам многое виднее, чем мне. Я лично смотрю на нее другими глазами и, в частности, весьма доволен ее стихом. Но появление ее в печати, в самом деле, могло бы вызвать кривые толки и злобное шипенье. То, что Вы писали, предостерегая меня, глубоко меня тронуло: это был голос истинного доброжелательства. А указанные Вами мотивы Вашей особенной взыскательности и, признаюсь, неожиданное для меня общее суждение о моей литературной деятельности — во много раз для меня ценнее, чем устройство моей пьесы-шутки в Вашем журнале. И спасибо Вам за то, что Вы говорите со мной с тою простотой и прямотой, какой именно я желал и ожидал от Вас, какую особенно дорожу в моих отношениях с Вами.

В заключение — просьба, которую высказываю нехотя и не совсем по адресу, ибо дело касается издателя: обстоятельства заставляют меня крайне желать авансной оплаты. Быть может, при Вашем посредстве это осуществимо. Нельзя ли получать книжки "Беседы"? И в чем бы могло выразиться мое сотрудничество по части прозы?

С глубоким уважением, сердцем Ваш

Вяч. Иванов.

Незамедлительный ответ Горького, вне всякого сомнения, вознаградил Иванова за резиньяцию, во многом — но не вполне, как мы увидим, вынужденную все теми же “тактическим соображениям”.

М. Горький — Вяч. Иванову
29 ноября 1924 г. Сорренто

Дорогой Вячеслав Иванович,
прекрасные стихи Ваши получил, примите мою сердечнейшую благодарность, Мастер!

Горячо благодарю Вас и за тон Вашего письма, хотя, должен сказать, что хотя я и мало знаю лично Вас, но был почти уверен, что мое отношение к оперетте, а также к сонетам, прежде Вами присланным, не заденет чувства Вашего достоинства.

Увы, если хочешь что-либо делать в наши дни, — должен, скрипя сердце, признавать власть “тактических соображений”.

Сонеты Ваши уже отправлены в Берлин, издателю написано, чтоб он, немедля, выслал Вам весь гонорар; думаю, что Вы получите его телеграфом. Все книжки “Беседы” будут высланы в конце недели.

Ваше сотрудничество, как прозаика, для “Беседы”, конечно, желательно, и было бы принято с величайшей радостью. Текст — на Ваше усмотрение, но было бы крайне интересно и важно получить статью о современной русской поэзии. А<?> “Ave Roma”³⁸ в 6^ю книгу уже не попадут, она на днях выходит.

Примите мой сердечный привет.

А. Пешков

29. XI. 24.
Sorrento,
Villa Il Sorito.

1 декабря 1924 г. Иванов завел дневник и в начальной заметке описывал, впервые в Риме, словно оглядываясь вокруг себя, свое положение географическое и состояние душевное. Его снедает забота о хлебе насущном, о будущем детей, которых недопустимо возвращать

в СССР — и возможность собственного туда отъезда. Далее — размышление о бесславной, советской кончине В. Я. Брюсова. Далее, все в том же тревожном контексте, — утешением выдержка из горьковского послания, с цитатой из своего еще ненаписанного письма от 10 декабря: "Письмо от Ксении. Как ее встряхнешь? Надо написать ученикам."³⁹ Письмо от Максима Горького: "Прекрасные стихи Ваши получил, примите сердечнейшую благодарность, мастер". Искренне благодарен он, что я не обиделся. А я — не то, что не обиделся, а признателен ему за нравственную поддержку. Состарился — и люблю теперь моралистов".⁴⁰ И продолжение этой записи, о еще одном отклике на "Римские сонеты", прочтенные соредактором "Беседы": "Вечером другое письмо из Сорренто — от Ходасевича, хвалит также 'высокое и скромное, некрикливое мастерство "сонетов"'.⁴¹

Вяч. Иванов - М. Горькому
10 декабря 1924 г. Рим

Рим, 10 дек<абря> 1924.

Дорогой Алексей Максимович,

Как мне хотелось бы именно теперь увидеться с Вами и по душе о многом поговорить, — да нельзя, и я завидую П. П. Муратову, что вскоре он окажется в Вашем обществе.⁴² Читая Ваши строки, я слышу живой Ваш голос, и сожалею, что в личной беседе не могу поделиться с Вами всем, что с такою тяжестью и смутой лежит на душе. Одному радуюсь: что наша полу-случайная переписка установила, я надеюсь, окончательно прямоту, простоту и взаимное доверие в наших отношениях: остальное приложится. Вы уже дали мне, сам того не зная, нравственную поддержку.

Рад, что Римские Сонеты Вам по душе. Досылаю еще два для первого цикла — не только для того, чтобы исполнить число Муз (ибо с присланными их будет девять), но и по более существенным соображениям: эти два опять говорят о фонтанах, и с ними весь первый цикл будет полнее, сочнее, кра-сочнее.⁴³

К сожалению, о современной русской поэзии написать мне не то что трудно, а прямо невозможно. Материала (столь изо-

бильного) под рукой, конечно, нет; следил я за некоторыми (и по-нынешнему, важнейшими) ветвями ее лениво; действительно значительного в том, о чем кричат, не вижу. Дарование Есенина, скажем, к примеру, очень любил бы, да весь он изломался и изолгался, и притом небрежно работает. Хулиган-неврастеник, и к тому же варвар, — разумею Маяковского, — не может быть поэтом-художником, как ни будь он в основе даровит... Милые “пролетарии”, которым когда-то читал лекции, славные ребята, моря все еще не зажгли. И так далее... Впрочем, если поручите написать какую-нибудь рецензию или критику и пришлете нужные книжки, я отнюдь не прочь это сделать.

А вот не напечатаете ли Вы этюда об “Идиоте” Достоевского — теперь переводят на немецкий кое-что из моих работ по этому автору,⁴⁴ - или некоторые размышления и толкования к Пушкину?⁴⁵ Этим заняться мне было бы более по сердцу.

Благодарю Вас за письмо и некоторые хлопоты, но издатель Ваш ничего мне до сих пор не прислал, ни денег (а они мне очень нужны), ни любезно Вами обещанных книг “Беседы”.

Владиславу Фелициановичу пишу.

Сердечно Вам преданный

Вяч. Иванов.

Ни одной строчки, стихов ли ивановских, прозы ли, в “Беседе”, как известно, не появилось. Но переговоры о работе, принятой и возможной, продолжались, и нас должны интересовать факты и тонус этого общения.

М. Горький — Вяч. Иванову
12 декабря 1924 г. Сорренто⁴⁶

Дорогой Вячеслав Иванович, —

сонеты отправил в редакцию, написал, чтоб Вам немедля прислали корректуру и повторил просьбу о переводе гонорара телеграфом. Удивлен тем, что это еще не сделано.

Видеть Вас здесь мы все были бы искренно рады. У нас —

тихо, мы живем вдали от города и Вы могли-бы здесь хорошо отдохнуть.

Очень прошу Вас прислать статью об "Идиоте", было бы хорошо поместить ее в 7^я книге, если статья не очень велика. А для 8^я — статью о Пушкине, — если Вы не против?

Сердечно желаю Вам всего доброго.

А. Пешков.

12. XII. 24.
Villa Il Sorito
Capo di Sorrento.

Возможно, ивановские сонеты были посланы с опозданием против уверений Горького, возможно, виновата была почта или итальянская перлюстрация горьковской корреспонденции, но еще 13 декабря Горькому писала из Берлина М. И. Будберг: "Видела Каплуна. Он ждет ответа и денег от Ионова — пока тщетно. 6ой № задержался [...] зато в него попадут стихи Иванова, и гонорар сейчас же будет ему послан. — Окончательно и бесповоротно погиб Гржебин — очень это трагично — не напишите ли Вы ему?"⁴⁷

17 декабря уже сам С. Г. Каплун писал Горькому; он извинялся за двухнедельную неаккуратность в деловой корреспонденции, объясняя ее переездом издательства "Эпоха", и сообщал: "6^я "Беседа" давно бы вышла, если бы не задержка со стихами. Книга вся сверстана, и поэтому стихи Владислава Фелициановича, а тем более Вяч. Иванова, не могут быть помещены в начале книги, иначе надо переверстывать всю книгу. Если можно было бы не посылать корректуры Вяч. Иванову, то это дало бы возможность выпустить книгу в свет на 2 недели раньше. Если корректуру необходимо все же послать, пожалуйста, телеграфируйте мне об этом. Гонорар Вяч. Иванову и В. Ф. Ходасевичу перевозжу одновременно с этим письмом почтовым переводом. Все рукописи получены и сданы в набор для 7ой "Беседы".⁴⁸

В ответ Горький сделал какое-то недошедшее до нас распоряжение в письме Каплуну от 22 декабря, и тот отписал 29 декабря: "Насчет стихов Иванова поступлено согласно Вашего указания".⁴⁹ В следующем своем послании в Берлин Горький возвращался к теме ивановского гонорара, как это видно по ответу Каплуна: "Ваше письмо сегодня получил. Вяч. Иванову деньги были посланы немедленно после получения Вашего прошлого письма по почте, т. е. 22. XII. Тогда же ему был послан комплект "Беседы". Надеюсь, что он уже все

получил. Если же нет, то моей вины в этом нет. Почтовые квитанции у меня имеются”.⁵⁰

Из этого письма видно, что Горький хочет прекратить “Беседу”, Каплун при этом слабо защищает журнал. Наконец, 16 января 1925 г. Каплун пишет Горькому: “до сих пор я не получил извещения ни от В. Ф. Ходасевича, ни от Вяч. Иванова, дошли ли до них деньги. Книги Иванову послал второй раз”.⁵¹ Далее имя Иванова в переписке Каплуна с Горьким не встречается.

Между тем того же 29 декабря 1924 г., что и Каплун — Горькому, Иванов писал В. Ф. Ходасевичу в Сорренто: “издатель Ваш не то, чтобы стихи мои издать, даже обещанного гонорара выслать не хочет, ниже книжек “Беседы”. [...] Не присоветуете ли что-нибудь относительно изданий?”⁵² 12 января 1925 г. Иванов отвечает на неизвестное нам послание В. Ф. Ходасевича, по-видимому, помимо всего прочего от имени Горького проверявшего, выполнил ли журнал свои обещания Иванову: “пришло Ваше милое письмо, содержащее и деловой вопрос. На последний отвечаю так: книжек “Беседы” все не получил, деньги же высланы через банк, в размере 375 лир (или 68 нем<ецких> марок) за 9 сонетов, т.е. 126 стихов по расчету, следовательно, 25-28 копеек за стих. Но ведь это ни на что не похоже! Принужденный дорожить здесь и теперь каждым грошем, я был приведен этим обстоятельством полностью в уныние. А еще Алексей Максимович писал мне о повышении гонорарного тарифа в виду допущения “Беседы” в Россию!⁵³ [...] Поклон Алексею Максимовичу. Если можно, помяните меня в молитвах к издателю”.⁵⁴

Необходимо пространно процитировать ответ Ходасевича, поскольку он ставил горькую точку по всей истории надежд Иванова на сотрудничество с “Беседой”, в “добровольном изгнании”⁵⁵ из СССР пытавшегося центром своей литературной работы сделать издание, имеющее хождение на родине. Ходасевич писал Иванову 21 января 1925 г. из Сорренто: “В ‘молитвах издателю’ я Вас поминаю усердно. Но: 375 лир за 123 стиха — это выходит по 3 лиры, т. е. больше, чем по 2 франка за стих. А другие эмигрантские журналы (“Современные” Зап<иски>”, например) платят по франку, 1 1/2 — максимум. Конечно, это гонорар нищенский, но он — следствие безвыходного положения эмигрантской печати вообще. В частности, что касается “Беседы”, дело обстоит так: для утешения Алексея Максимовича советские жулики формально разрешили ввоз журнала в Россию, но фактически приказали своему органу, имеющему *монопольное* право закупки книг за границей (“Книга”) — покупать “Беседу” в количестве... 10

экземпляров! Десяти, я не пропустил ни одного нуля! Вот Алексей Максимович и утешается, ибо не то не умеет, не то не хочет понять всю эту махинацию, сколько ему ни растолковывают. В результате — все вскоре выяснится: либо "Беседа" проникнет в Россию в нормальном количестве, либо вовсе прекратит свое существование. В первом случае гонорар, конечно, возрастет. Сейчас дела журнала так плохи, что я лично не получил ни копейки с октября 1923 года. Сам же издатель, Каплун, человек безупречной честности, даже больше: в "Беседу" он ухлопал все небольшие деньги, которые у него были, и сейчас сам живет буквально впроголодь".⁵⁶

Еще и у Ходасевича оставались, как мы видим, какие-то надежды. Но рассеялись они скоро, "Беседа" умерла на 6/7 номере, вскоре рассеялся и "Русский Берлин", а Ходасевич разуверился в возможности сотрудничества с Горьким. Однако в отношениях Иванова с Горьким "Беседа" всплыла еще раз, после сравнительно долгого перерыва.

Вяч. Иванов - М. Горькому
27 июля 1925 г. Рим

Рим, 27 июля 1925

Глубоковажаемый
Алексей Максимович,

Я получил через Ю. П. Денике⁵⁷ дополнительные деньги (30 долларов) за сонеты, предоставленные мною "Беседе", — деньги, на которые никак не мог рассчитывать или претендовать, потому что расчет был закончен. Мне остается глубоко благодарить Вас и Марию Игнатьевну,⁵⁸ от имени которой деньги были мне переданы, за максимальную оплату моих стихов, на какую я отнюдь не притязал. Но то обстоятельство, что "Беседа" кончилась, вызывает во мне чувство тревоги и неловкости — получать гонорар фактически задаром... Скажу откровенно, что от денег я отказаться в ту пору не мог, но не могу не считать себя перед Вами в долгу. Желал бы, чтобы долг этот мне удалось вскоре же покрыть с возникновением нового Вашего журнала, которому стихи эти естественно принадлежат. Покуда же я Ваш должник, и прошу Вас принять за Ваше доброе внимание мою живейшую благодарность. Третьего дня получил я Ваше любезное приглашение побывать у

Вас в Сорренто.⁵⁹ Я давно уже мечтал об этом свидании, и в ближайшее время сделаю все возможное, чтобы осуществить его. Благодарю Вас за дружественный призыв от всей души. Мне внутренне важно побеседовать с Вами о многом и приятно будет, между прочим, обменяться мыслями и о тех предположениях, о которых Вы упоминаете и о которых приходилось мне говорить и с П. П. Муратовым. Но когда именно (и в точности) удастся мне попасть в Сорренто, сейчас еще не знаю, и вскоре о том Вам напишу.

С сердечным приветом

глубоко преданный Вам

Вячеслав Иванов.

Причина возврата переписки Иванова и Горького к “Беседе” (а возможно — и щедрой расплаты редакции с поэтом — ведь издатель должен был разориться к последнему номеру) заключалась именно в “предположениях”, ради которых Горький звал Иванова в Сорренто, — о новом горьковском журнале “Собеседник”, коего редактором по отделу поэзии Горький — на смену “бесединскому” Ходасевичу — хотел видеть Иванова. Снова Горький требовал от советских начальников “безусловной свободы”,⁶⁰ столь же нереальной и столь же безнадежно. Но провал этой горьковской затеи, вовлекшей, среди прочих лиц, и Иванова, — другой сюжет, тема другой публикации.

* Н. В. Котрелевым подготовлены к печати письма Вяч. Иванова, А. Б. Шишкиным — Максима Горького. Первые хранятся в Архиве Горького в Москве, вторые — в Римском архиве Вяч. Иванова.

¹ “Космополис” 1898, ноябрь, с. 77-92 и 93-94.

² Библиография работ, имеющих специальное либо по смежности отношение к истории взаимосвязей Вяч. Иванова и Максима Горького, весьма обширна. В настоящем случае я позволю себе ограничиться недавней попыткой синтеза, в которой использованы и фрагменты публикуемых писем: И. В. Корецкая, Горький и Вячеслав Иванов. В кн.: *Горький и его эпоха. Исследования и материалы*. М., Наука, 1989, Вып. 1. Отв. ред. Б. А. Бялик, с. 169-184; И. В. Корецкая, Вяч. Иванов и Максим Горький. В кн.: *V. Ivanov, Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph*, Heidelberg 1993, S. 250-261.

³ Димитрий Вячеславович Иванов (род. 1912) — впоследствии французский журна-

лист; живет в Риме, его вклад в дело издания и изучения литературного и духовного наследия отца переоценить невозможно.

⁴ Печатаю по копии, сделанной мною в начале 70-х годов с оригинала, находившегося у светлой памяти И. В. Эрн-Калашниковой.

⁵ Ивановы выехали из Москвы 28 августа, а прибыли в Рим 14 сентября, при этом они делали остановки не только в трех указанных Л. В. Ивановой городах, но и в Мюнхене (см. Лидия Иванова, *Воспоминания. Книга об отце*. Подготовка текста и комм. Джона Мальмстада. Париж, Atheneum, 1990, с. 129-131 - далее при отсылках к этой работе она называется сокращенно, с указанием страницы: Иванова).

⁶ Алексей Климов, Вячеслав Иванов в Италии (1924-1949). В кн.: *Русская литература в эмиграции. Сб. статей*. Под ред. Н. П. Полторацкого, Питтсбург 1972, с. 154; о том же - с. 156, все фактические сведения этой статьи восходят, кажется, к О. А. Шор, т. е., либо к самому поэту, либо к его семье и душеприказчикам - см. там же, с. 151; ср.: Иванова, с. 150; Вяч. Иванов, Переписка с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925-1926). Публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати. В сб.: Вяч. Иванов, *Материалы и публикации*. Сост. Н. В. Котрелев. М., "Новое литературное обозрение" 10, 1994, с. 257, 258, 260; далее при отсылках к этой работе она называется сокращенно, с указанием страницы: Котрелев-Мальковати). Ср. однако и более позднее заявление Иванова — в письме к Е. Д. Шору от 9 июля 1934 г.: "...принимать активное участие в какой-бы то ни было политически-демонстративной публикации и фигурировать в списке лиц, выступающих с каким бы то ни было политически окрашенным заявлением, протестом или манифестом, для меня по многим и существенным основаниям невозможно". Димитрий Сегал, Вячеслав Иванов и семья Шор (По материалам рукописного отдела Национальной и Университетской Библиотеки в Иерусалиме). В сб.: *Un maître de sagesse au XX siècle: Vjačeslav Ivanov et son temps*, "Cahiers du monde russe et soviétique" 1994, XXXV (1-2), p. 351. Самоопределение Иванова как "человека политического" в 20-40-е годы еще совершенно неисследовано.

⁷ Е. И. Замятин, *Письмо А. К. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Е. И. Замятина в 1922-1923 гг.* Публ., сопроводительный текст и примеч. А. Ю. Галушкина. "de visu" 1992, № 0, с. 22; обратим внимание на то, что в случае лояльного поведения Замятину тем же письмом обещались литературные заработки в СССР — тоже обещал ему и входящий в коридоры власти Б. Пильняк, в письме, приводимом там же - с. 18). Эта публикация — первый мой литературный материал, отдаваемый в печать после того, как я узнал, что "de visu" закрывается. Лучший литературный — оговорился, именно литературный, а не просто литературоведческий журнал последних десятилетий погиб, несчастная русская публика не умеет блюсти лучшее, что у нее есть.

⁸ Печатаю по копии, полученной в свое время от покойной Н. М. Гершензон-Чегодаевой.

⁹ История издательства "Эпоха" покамест ненаписана. О "Беседе" см. работу Р. Платоне (особо ценную хорошей росписью содержания журнала): R. Platone, *Un tentativo fallito: La rivista "Beseda"*. "Europa Orientalis" 1984, III, pp. 171-201. К сожалению, в под-

готовленной под ее руководством весьма представительной антологии (*Scrittori russi a Berlino*. A cura di Rossana Platone, Napoli 1994) указатели к русским берлинским журналам, драгоценные уже в силу труднодоступности полных комплектов этих изданий, неаннотированы. Интересна предварительная публикация И. А. Бочаровой, готовящей для "Литературного наследства" полное издание переписки Горького с Ходасевичем: О "Беседе" и "делании" (О переписке Горького и Ходасевича) "Курьер" 1993, № 12.

¹⁰ АГ-КГ-П-34-7-20 (Здесь и далее используются стандартные шифры московского Архива Горького).

¹¹ Ср. в приводившемся выше письме Л. Д. Ивановой к И. В. Эрн-Калашниковой от 24 октября 1924 г.: "Через две недели начинается учебный год. Отдаем Диму во французскую школу Lycée Chateaubriand для изучения языка. Школа прекрасная".

¹² Лидия Вячеславовна Иванова (1896-1985) — в Московской консерватории была ученицей А. Б. Гольденвейзера; впоследствии окончила композиторский класс римской консерватории "Санта Чечилиа" под руководством Отторино Респиги (Иванова 1990, с. 52, 85, 86, 142-148); ср. в том же письме: "Поступаю в S<an>ta Cecilia для окончания композит<орского> отделения к maestro Respighi (прекрасный симфонический) композитор и директор академии". Между прочим, ориентация на знаменитую римскую консерваторию засвидетельствована архивом Иванова уже для 1912 г. - см. письмо, от 18 октября 1912 г., знаменитой покровительницы русских в Риме Nadine Helbig (рожд. Шаховской), рекомендующее Лидию, тогда еще совсем юную и начинающую, маэстро Джованни Згамбати (1841-1914): РГБ. - Ф. 109.15.68.

¹³ Ср. все в том же письме: "Вячеслав ходит в национальную библиотеку и работает, намереваясь приступить к специальной монографии об Эсхиле". Замысел полного перевода дошедших до нас текстов трагика был осуществлен только частично, издан ивановский перевод *Орестей* лишь в конце сороковых годов, а полное издание его переводов из Эсхила увидело свет в конце восьмидесятых; монография об Эсхиле написана не была - см.: Н. В. Котрелев, *Вячеслав Иванов в работе над переводом Эсхила*. В кн.: Эсхил. Трагедии. В пер. Вячеслава Иванова. Изд. подготовили Н. И. Балашов и др. М. 1989, с. 496-522.

¹⁴ Вера Константиновна умерла 8 августа 1920 г. После ее смерти Иванов почти не писал стихов — известно считанное число пьес, в основном это произведения "на случай"; публикуемая мотивация волевого отказа от лирического творчества, кажется, до сих пор была неизвестна ивановской литературе. С осени 1920 года и до отъезда за границу Иванов жил с детьми в Баку. О своем глубоком душевном и духовном кризисе, которого одним из выражений было воздержание от лирических излияний, Иванов писал близким друзьям из Баку неукоснительно; часто — как и в письме к Горькому — научная и преподавательская работы выдаются им за утешительную компенсацию иссякнувшему, либо избегаемому вдохновению. Однако мы имеем и внешнее свидетельство тому, что наука стала для поэта дантовскою *donna dello schermo*, — свидетельство близкого друга Иванова, жившего с января 1923 г. в его семье, С. В. Троцкого: "Здесь В. И. — другой; после всего, что с ним было, он обле-

чен послушанием молчанья; только иногда, почти только со мной, приоткрывается. Академизм — броня. Послушание не только в молчании поэтическом, но очень глубоко" (*Письма к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской*. Публ. А. В. Лаврова. "Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год". Л.: Наука, 1976, с. 150; письмо в этой публикации приписано С. К. Шварсалону, что повторяли и другие авторитетные издания — например, Иванова, с. 139; позднее ошибка исправлена ее автором, см.: Вяч. Иванов, *Материалы и публикации*, с. 85).

¹⁵ Книга вышла в свет в Баку в 1923 г.

¹⁶ Речь идет, скорее всего, о цикле "De Profundis". См. прим. к письму от 2 ноября 1924 г.

¹⁷ К. Чуковский, *Веселое кладбище*, "Речь" 1909, 15 марта (№ 72).

¹⁸ Л. Тихвинская, *Русское кабаре*, "Московский наблюдатель" 1992, № 9, с. 38.

¹⁹ Цветник "Ор". Кошница первая. СПб. 1907. Ср. недавнюю полную публикацию Н. А. Богомóлова: "Театр" 1993, май, с. 159-166.

²⁰ М. С. Альтман, *Из бесед с поэтом Вяч. Ивановым: (Баку, 1921)*. "Уч. зап. Тартуского ун-та", Тарту 1968. Вып. 209, с. 309-310.

²¹ Иванова, с. 114-119. Рукопись пьесы была представлена на выставке, приуроченной ко второму, римскому симпозиуму ассоциации "Convivium", см.: F. Malcovati, Vjačeslav Ivanov e la cultura del suo tempo. Mostra bio-bibliografica. Catalogo a cura di Fausto Malcovati. Roma 1983, pp. 19, 28.

²² М. О. Гершензон, *Письма к Льву Шестову*. Публ. А. д'Амелиа и В. Аллоя. "Минувшее", Париж 1988, Вып. 6, с. 302; впервые этот фрагмент опубликован в книге: Н. Баранова-Шестова, *Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников*. Париж 1983, с. 276. Петька — из рассказа А. М. Ремизова *Петушок*; М. Е. Зятингон (1881-1943) — психоаналитик, друг Шестова.

²³ О. А. Мочалова, "Литературные встречи" (цитирую по копии, полученной мною от покойной поэтессы, ученицы Вяч. Иванова; в моем распоряжении были два варианта ее воспоминаний, различные и между собою, и с текстом, опубликованным в "Новом журнале" 1978. Кн. 130, с. 150-158, и перепечатанным Дж. Мальмстадом, Иванова, с. 361-367).

²⁴ См.: <Письмо управделами МХТ к ВИ, 22 июля 1924 г.>, по поручению В. В. Лужского, с просьбой сообщить, "может ли Художественный Театр при своих решениях о репертуарном плане наступающего сезона считать ее в портфеле Режиссерской Коллегии". РГАЛИ. - Ф. 225.2.11. Отсюда, по-видимому, ивановское упоминание в комментируемом письме о "перспективах театральной постановки".

²⁵ Котрелев-Мальковати, с. 262.

²⁶ Павел Павлович Муратов (1881-1950). Ср.: "Чуть ли не самый первый человек, которого мы встретили в Риме, был наш милый, верный друг и талантливый писатель Павел Муратов" (Иванова, с. 152) и далее, к истории дружбы двух семей (с. 56-57).

²⁷ Иванова, с. 115.

²⁸ 8 октября 1924 г. в Риме, проездом в Сорренто к Горькому, останавливался В. Ф.

Ходасевич, предупредивший о своем появлении Иванова. В ответ на это извещение Иванов писал 7 октября (повидимому, на адрес названной Ходасевичем гостиницы): "Дорогой Владислав Фелицианович, Только что получил Ваше открытое письмо из Парижа. Итак, Вы, быть может, уже здесь. Спешу сообщить Вам свой адрес: [...]. Непременно хотел бы с Вами увидеться. Не уезжайте, не повидавшись со мной. Заходите ко мне или назначте у себя свидание" (*Четыре письма В. И. Иванова к В. Ф. Ходасевичу*. Публикация Н. Н. Берберовой. "Новый журнал" 1960, дек., Кн. 62, с. 284). Однако, встреча не состоялась. Ходасевич не застал Иванова дома и, как следует из нижеприводимых слов Иванова, оставил записку, в которой сообщил о своем незамедлительном отъезде из Рима. Иванов попытался перехватить Ходасевича, о чем и говорит в записке на визитной карточке, переданной, по видимости, гостиничному портье: "Огорченный тем, что Вы меня не застали, поехал к Вам и ждал Вас до 12 час. И так, не судьба увидеться. А я хотел поговорить с Вами подробно о сотрудничестве в "Беседе". Напишите мне об этом обстоятельно. Нуждаюсь в литературной работе и в издании разнообразных вещей. Сообщите, если Алексею Максимовичу писать трудно, его мнение о присланной ему пьесе" (там же, с. 284; см. так же: *Из переписки В. Ф. Ходасевича*. Публ. Дж. Мальмстада. "Минувшее: Исторический альманах". Париж, Atheneum, 1987. Вып. 3, с. 264, 266-267).

²⁹ Иванова, с. 124. Трудно себе представить советские органы бдения пекущимися о единстве и органичности образа Вяч. Иванова в глазах российской публики. Попытку выяснить действительные и прикровенные причины горьковского, так и советского в целом неприятия ивановской оперетки следует отложить, по крайней мере, до публикации ее текста.

³⁰ См. ниже.

³¹ Речь идет, как видно, о каких-то сообщениях газет — итальянских или эмигрантских — о горьковском нездоровье.

³² Горький и Иванов познакомились, как известно, 3 января 1906 г. на ивановской "башне", где состоялась встреча революционно настроенных художников. На короткое время у них установились — в обмене письмами, т. к. Горький тотчас уехал из России — дружественные отношения. Но ближайшие за тем годы отзывы Горького об Иванове были вполне враждебны и уничижительны. Изменение их тональности связано с эволюцией Горького, ведшей его от примитивных "реалистов" в сторону культурных "модернистов". Об уважении его к Иванову можно говорить со второй половины 10-х гг.

³³ Косоротов Александр Иванович (1868-1912) — прозаик, драматург, критик. Известен и совсем иной отзыв Горького о Косоротове, произнесенный, правда, тотчас по получении известия о его самоубийстве: "Косоротов [...] был приятный и талантливый человек, я хорошо знал его [...]. Я мог бы назвать себя его литературным крестным отцом; мне казалось, что он способен на многое, а вышло как-то глупо. Он сразу же захлебнулся "славой", потом перестал работать и начал форсить. Жалко его, очень" (Письмо к Е. П. Пешковой, 13/26 апреля 1912 г. Архив Горького. М. 1966. Т. IX: А. М. Горький, *Письма к Е. П. Пешковой: 1906-1932*, с. 139-140). Аргумент Горького,

вероятно, индуцирован упомянутым авторским предисловием к пьесе: "На совести моего уважаемого приятеля, известного оперного режиссера Николая Николаевича Боголюбова, — пишет Иванов, — [...] тот сомнительный факт моей литературной биографии, что во время совместного пребывания нашего в городе Баку я, поддаваясь его упрямой прихоти, написал эту полу-шутливую, полу-печальную пьесу по канону оперетты-мелодрамы. [...] На совести Н. Н. Боголюбова и "авиапролог", им — как картина — придуманный, и... — но эту последнюю вину мне всего труднее ему простить! — повелительное и роковое внушение: заимствовать основу сюжета непременно из драмы Косоротова *Мечта любви*. Скованный тягостными узами с нелюбимой *Мечтой*, напрасно объявляя ей войну на взаимонстребление: все же ее завязка послужила мне отправным пунктом". Иванова, с. 115 (с небольшими разночтениями предисловие приводилось еще в 1974 г. на с. 673 второго тома брюссельского *Собрания сочинений* Иванова — далее ссылки на это издание даются в сокращенной форме: *СС*, номер тома римскими цифрами и страница — арабскими).

³⁴ См. ниже; можно предположить, что в Берлин Горький ивановских стихов на этот раз не отправил — о них нет упоминаний, кажется, в его переписке по делам "Беседы".

³⁵ Художественное слово: временник Литературного отдела НК П. Кн. 1-ая. М., Изд. Народного Комиссариата по просвещению, 1920; в 1922 г. сонеты были перепечатаны в берлинской книге И. Эренбурга *Портреты русских поэтов*.

³⁶ Ср. в первом "римском сонете": "Мы Трою предков пламени дарим..." Этот мотив — уподобления себя Энею, уносящему с собою ветхого отца и родных богов, — был характерною чертою эмигрантского самосознания.

³⁷ Ср.: Котрелев, Мальковати, с. 258, 277. Во второй половине 30-х годов Иванов заявляет обреченно и твердо: "Нет, в Москву мне нет возврата... пока там рушат церкви" (М. Чарный, *Ушедшие годы: Воспоминания и очерки*. М. 1970, с. 410).

³⁸ По всей вероятности, Горький цитирует первоначальное авторское название цикла. Позже оно встречается в заглавии машинописной книги стихов Иванова, датированной 1928 г., интересной, помимо всего прочего, и как свидетельство бытования эмигрантской поэзии в раннем советском самиздате. В моем распоряжении имеется экземпляр ее, изготовленный, кажется, Г. И. Чулковым, это ручной работы тетрадка, бумага верже, одинаковая у блока и обложки; не первый экземпляр машинописи. На обложке: ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ // AVE ROMA // 1928. В сборнике, помимо обложки, 16 страниц. Его состав (текст изобилует опечатками): *Поэзия* (Родная речь певцу земля родная...); *Собаки* (Ни вор во двор не лезет, ни гостя у ворот...); *Ропот воли в сумраке полей...*; *Каменный дуб* (Хмурый молчальник, опять бормочу втихомолку стихами...); *Палинодия* (И твой гиметский мед ужель меня пресытил...); *Regina Viarum* (Вновь, арок древних верный пилигрим...); *Monte Pincio* (Пью медленно медвяный солнца свет...); *Monte Cavallo* (Держа коней строптивых под уздцы...); *L'acqua felice* (Пел Пиндар-лебедь: "Нет под солнцем блага..."); *La Baccaccia* (Окаменев под чарами журчанья...); *Il Tritone* (Двустворку на хвостах клубок дельфиний...); *La Fontana delle Tartarughe* (Через плечо слагаю черепах...); *Фонтан в Villa Borghese* (Спит

водоем осенний, окроплен...); *Acqua Virgo* (Весть мощных вод и в веяньи прохлады...); “Уж расставались мы, когда, подвижник строгий...”. Последнее стихотворение (впервые напечатанное - *СС IV*, 94) в рукописной книжечке датировано: 29 декабря 1926 г. // Павния; в *СС* оно посвящено Вс. Зуммеру, в моем экземпляре посвящение отсутствует, но в оглавлении стихотворение обозначено: Г. У. — не следует ли предположить, что буквой “У” Чулков замаскировал букву “Ч”, т. е., что стихотворение попало в Москву посвященным первоначально Чулкову? По всей вероятности, к тому же изводу текста относятся списки “Римских сонетов” из архива бакинской студентки Иванова, подруги Л. Д. Ивановой Н. А. Миллиор, о которых мне любезно сообщила ее ученица Д. И. Черашняя: “Кроме автографов В. И., в архиве есть старые машинописные копии стихов, которые отличаются от опубликованных в “Б-ке поэта. М. С.”, в частности — “Римские сонеты”, которые называются “*Ave Roma*” и, вместо нумерации, имеют итальянские названия тех достопримечательностей, о которых идет речь. Кроме того, их не 9, а 8; включает же подборку следующее стихотворение, написанное позднее (29 декабря 1926 г. Павния) — “Уж расставались мы, когда, подвижник строгий...”. Восходит ли одна из этих версий текста к другой или они независимо представляют авторский эдиционный жест, — без дополнительных разысканий сказать нельзя.

³⁹ Речь идет об учениках по бакинскому университету, Ксения Михайловна Колобова — одна из них (ее переписка с учителем мне неизвестна).

⁴⁰ *СС III*, 851.

⁴¹ Восстанавливаем пропущенное в издании *СС III*, 851 слово “некрикливое” по рукописи дневника из Римского архива Вяч. Иванова. При воспроизведении той же дневниковой записи вкралась еще одна ошибка; следующая ниже фраза из ныне утраченного письма Ходасевича читается следующим образом: “Россия раскололась пополам, и обе половины гниют каждая по своему”.

⁴² Очевидно, Муратов собирался из Рима в Сорренто к Горькому и Ходасевичу (с последним его связывала давняя и самая близкая дружба).

⁴³ Одним из этих сонетов должен был быть “*Fontana delle Tartarughe*” - ср. дневниковую запись от 2 декабря 1924 г.: “Написал *Fontana delle Tartarughe*” (*СС III*, 852). По всей вероятности, к примечаниям О. А. Шор восходит одна неточность в датировке истории “Римских сонетов”: “К концу ноября <1924 г.> были написаны 5 пьес, которые В. И. послал в Сорренто” (Свет вечерний..., 1962, цит., с. 206). Это утверждение позже повторено в других изданиях, см., например: *Стихотворения и поэмы*. Вступ. ст. С. С. Аверинцева. Сост., подгот. текста и примеч. Р. Е. Помирного. Л., Советский писатель, 1976, с. 497-498 (утверждение Р. Е. Помирного “к началу января 1925 г. были написаны все девять сонетов”, вообще говоря не противоречащее действительности, но неточное, представляет собою умозаключение-перифраз сообщения О. А. Шор о том, что “в самом начале января 1925 г. В. И. направил, в виде новогоднего привета, Гершензону в Москву 9 сонетов” - Свет вечерний..., 1962, цит., с. 206); *СС III*, 849; *Из переписки В. Ф. Ходасевича*. “Минувшее: Исторический альманах” 1987, 3, с. 267; пытаюсь исправить арифметическое неправдоподобие и не имею

доступа к публикуемому здесь письму Иванова, Мальмстад прибегает к конъектуре: "Вдогонку Иванов послал еще четыре сонета" и т. д.). Как теперь очевидно, к 10 декабря 1924 г. последние два сонета из девяти были отделаны настолько, чтобы отправиться к издателю.

⁴⁴ 4 декабря 1924 г. Иванов заносит в дневник: "Целый день думал об Антигоне - и кажется, бесполезно. Может ли она интересовать современность? Могу ли я вообще быть интересным, даже только приемлемым современности? Об "Идиоте" все же писать можно и нужно" (СС III, 852). Позже, 29 декабря 1924 г. Иванов писал В. Ф. Ходасевичу: "Пишу для 'Беседы' об 'Идиоте' (Четыре письма В. И. Иванова к В. Ф. Ходасевичу. "Новый журнал" 1960, Кн. 62, с. 286), однако сегодня еще не возможна более или менее детализированная хронология поздних занятий Иванова Достоевским. Работа над "Идиотом" самостоятельного оформления не получила, но отразилась в немецкой книге о Достоевском; об истории ее подготовки, растянувшейся на долгие годы, см.: СС IV, 757-770.

⁴⁵ В начале эмигрантских лет пушкинская тема не оставляет Иванова, с нею, собственно, и выехавшего за границу, после и, вероятнее всего, благодаря выступлению на пушкинских торжествах в Москве (ср.: Иванова, с. 120, особенно важна при этом цитата из воспоминательного письма О. А. Шор к Ф. А. Степуну об ивановском выступлении в мае 1924 г.: "Он говорил о 'Цыганах' и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик"). В одной из предыдущих работ упущен случай подчеркнуть связь между этим докладом и неосуществленным замыслом Иванова инсценировать "Цыган" для театра Мейерхольда (Котрелев-Мальковати, с. 273-274, ср. с. 259). Статья Иванова "К проблеме звукообраза у Пушкина: Памяти М. О. Гершензона" (Московский пушкинист: Статьи и материалы. Под ред. М. А. Цявловского. М., Федерация, 1930, с. 94-105) имеет авторскую датировку: Рим, март-апрель 1925.

⁴⁶ В 1957 г. подлинник этого письма был передан Д. В. Ивановым в московский Архив Горького, вследствие чего оно оказалось единственным Горьковским письмом к Вяч. Иванову, проаннотированном в "Летописи жизни и творчества А. М. Горького" (Вып. 3. 1917-1929. М. 1959, с. 387); впервые опубликовано *Из переписки В. Ф. Ходасевича*. "Минувшее: Исторический альманах" 1987, 3, с. 2

⁴⁷ АГ-КГ-разн-1-157-71. - Л. 3. Илья Ионович Ионов (Бернштейн; 1887-1942) — один из создателей и ведущих деятелей советской книгоиздательской системы: в 20-е годы (в 1924 г. назначен заместителем заведующего ГИЗом), на совести которого, в частности, и диверсии, подорвавшие существование эмигрантских издательств, вложивших деньги в производство, рассчитанное на завоз их продукции в СССР, и не получивших на это право. Плановое двуличие Ионova сыграло злую роль и в разорении издательства Гржебина (см.: Ю. Н. Емельянов, "Русский Берлин": (издательские центры в 20-30-х гг.). В кн.: *Культурное наследие российской эмиграции: 1917-1940*. М. 1994, Кн. 1, с. 54-55).

⁴⁸ АГ-КГ-П-34-7-21.

⁴⁹ АГ-КГ-П-34-7-22.

⁵⁰ АГ-КГ-П-34-7-23.

⁵³ См. выше, письмо от 2 ноября 1924 г.

⁵⁴ *Четыре письма В. И. Иванова к В. Ф. Ходасевичу*, с. 286-287.

⁵⁵ Выражение Иванова в письме к Г. И. Чулкову от 30 марта 1928 г. (РГАЛИ. Ф. 548.1.339. - Л. 6).

⁵⁶ *Из переписки В. Ф. Ходасевича. "Минувшее"* 1987., 3, с. 265.

⁵⁷ Денике Юрий Петрович (1887-1965) — политический публицист, эмигрант, в это время работал в Германии (см. некролог Р. Гуля, "Новый журнал" 1965, март, № 78, с. 277-278). Когда Иванов получил деньги — я не знаю, судя по его объяснениям, между получением и публикуемым письмом прошло достаточно долгое время.

⁵⁸ М. И. Будберг.

⁵⁹ Иванов отвечает на письмо Горького от 20 июля 1925 г.

⁶⁰ Иванова, с. 158.